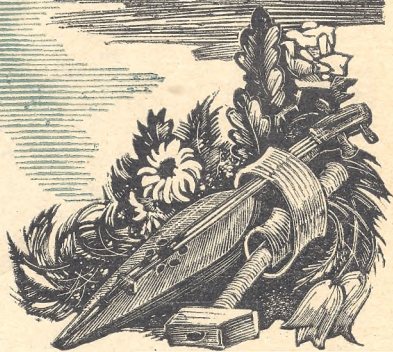
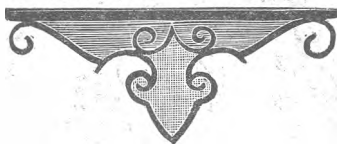

К ЯЗИМ Мечиев

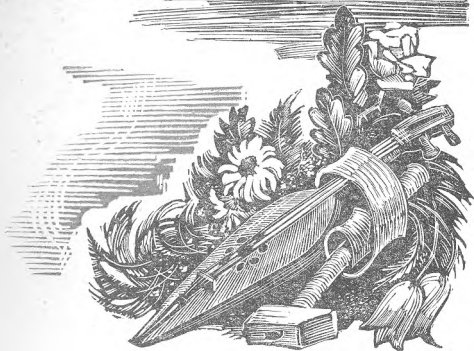
СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ

Кабардино-Балкарское
книжное издательство
Н а л ь ч и к   1 9 6 2

КЯЗИМ Мечиев

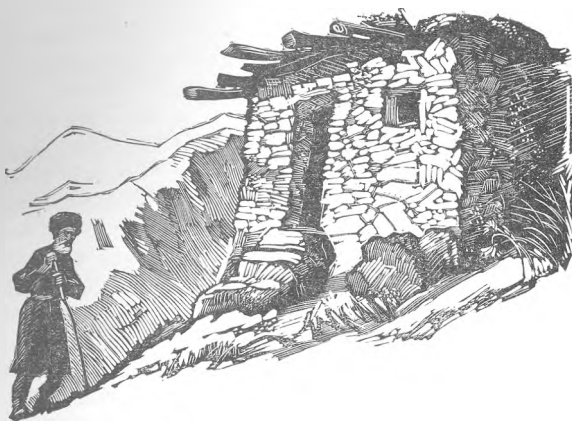
СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Перевод с батварского
Семена Лиикина

С(балк)2
М 555

Художник
А. Е. Глуховцев

ПОЭТ И ГОРЫ

Никогда я не забуду об одной своей поездке в горы летом 1940 года. Тогда со мной были московский художник и литератор. Мы приехали в аул Безенги. Снежные горы висели над ним так близко, что мне сразу подумалось: если подняться на вершину знаменитой Дых-Тау, надеть бурку и броситься вниз, то прямо упадешь в этот аул. Нам нужно было идти в Шики. До него, наверное, оставалось километра два. Там жил человек, который обворожил меня, вошел в мою жизнь и судьбу с самого моего детства. Я не

дал художнику как следует приглядеться к узким улочкам Безенги. Мы поднимались по крутой тропе каменистого склона, прошли мимо полуразрушенной башни. Перед нами возник аул Кязима—Шики. Он прилипал к склону зеленой горы. Мимо него неслась речка, вся в пене от быстроты. Некоторые сакли, грубовато сложенные из камня, напоминали несколько неуклюже построенные башни. Детишки играли на крышах, как при Лермонтове. Когда наш провожатый — мальчик лет десяти — привел нас к маленькому дворику Кязима, а сам вошел в саклю, оттуда очень скоро вышел старик, хромающий на левую ногу и опирающийся на большой посох. Это и был Кязим, хромым от рождения, как Байрон, лучший поэт и мыслитель балкарских гор. Мои спутники, которые видели его впервые, сразу же заметили, как этот человек, с лицом мудреца и глазами ребенка, ладным и крепким обликом естественно сливается с пейзажем родных мест, как ему подходит быть поэтом гор.

Чтобы лучше постичь поэта, надо быть на его родине. Так говорят. И, должно быть, это верно. Но к этому, мне думается, надо еще добавить: чтобы лучше понять любую землю, надо читать ее поэтов. Конечно же, куда глубже понимаешь, чувствуешь и постигаешь поэзию Кязима, побывав на его родине, пройдя по тем тропинкам, где он проходил в вечерних сумерках или на утренней заре, смотрел на снега Дых-Тау и зеленые высоты. Даже молчащие камни и угрюмые утесы здесь говорят о многом. Всё здесь кажется мне книгой, которую раскрыл Кязим в последний свой вечер,— она так и осталась открытой, и я ее читаю, радуясь и плача. Да, родина всякого крупного поэта —

всегда раскрытая книга для живых, а его поэзия — обнаженное сердце родной земли, в котором благоухали все розы и которое изранили все клинки на свете, но оно остается вечно живым и вечно праздничным.

Так обстоит дело с любым большим поэтом. Такова и судьба поэзии Кязима. Кто хочет коснуться живого сердца Балкарии, самых тонких струн души нашего народа, почувствовать самое благоуханное в ней, тот должен раскрыть кязимовскую книгу.

В его поэзии, как и в народных песнях и поэмах, со всей честностью и прямоотой выражен характер балкарского народа, его смех и раны, мужество и задушевность, в ней гул свадебной пляски и рыдания женщин в черных шалях на похоронах. Поэзия его живописна, как родное Хуламо-Безенгийское ущелье, мудра и лаконична, как пословицы, она чиста, как Совесть народа. В ней мы встретим мягкий разговор с ивой, цветущей у горной речушки, и суровые размышления о смерти и смысле жизни.

Да, о родине поэта. Она очень похожа на поэзию Кязима. Наверное, иначе и не может быть. Когда я приехал в аул Шики, моим глазам открылся мир удивительных контрастов. Узенькие кривые улочки и напротив широкие зеленые склоны, старое ослиное седло из дерева, маленький дворик и рядом бунтующая горная речка, печальный от усталости ослик с опущенными ушами и грызущий удила конь под добротным седлом, нежно колыхающаяся под ветром трава и угрюмый темный утес, задумчивые тропинки за аулом и вскинувшие вершины к небу могучие горы, на которых смешались никогда не тающие снега и тучи. Те же контрасты мы видим и в поэзии Кязима. Он пишет о

воробье, который снежным днем сел у него во дворе, и тут же суровые философские размышления о старости и смерти, полные мудрости и мощной образности. Поэт создает удивительно задушевные стихи о своей старой сакле и поднимается до высот трагедии в поэме «Бузжигит». В стихотворениях он обращается к своей корове, псу, кувшину. А в поэме «Раненый тур» с потрясающей силой выражены беды старой Балкарии. В его поэзии узкие улочки горного аула и песчаные аравийские степи, серый камень и фазан с шейей цвета очагового огня живут рядом, в них одинаково сильны живопись и эмоция, предметный образ и чувство.

Когда я смотрел из Шики на открывшийся моим глазам горный простор, мне думалось, что художнику нужна бетховенская мощь, чтобы выразить этот мир Хуламо-Безенгийских гор. Кязим похож на Дых-Тау. Он — гора, которая всегда будет сиять нам. Он гора и зеленое дерево одновременно.

Да, никогда мне не забыть своей последней довоенной поездки в Шики. Я и мои товарищи жили тогда у Кязима несколько дней и видели поэта в родной его сакле, в быту, в кругу простых горцев и семьи, видели его, занятого своими повседневными делами. Мы с ним подолгу беседовали. Что еще лучшего я мог желать! Надо мной летал орел поэзии. Я так хорошо слышал шум его крыл, тень его ложилась на снега вершин, на рыжие скалы и луга перед аулом.

Все в Кязиме вызывало удивление у моих спутников. Но больше всего их удивил такой случай. В клубе колхоза устроили литературный вечер. Кязим сидел с нами за сто-

ликом на маленькой сцене. Он читал первым, читал сидя, читал свои старые стихи, в которых беды ночным снегом падают в дымоходы саклей горцев. Зал плакал. Плакали старые, неграмотные крестьяне, плакали школьники. Затем стали выходить на сцену один за другим не знавшие грамоты старики и старухи. Они читали наизусть стихи Кязима. Это не могло не удивить любого. Такое встречается очень и очень редко.

Легко было подумать, что стихи Кязима жили, подобно послесвицам, в душе народа, именно народа, а не только определенного круга читателей.

К большой радости той моей поездки к Кязиму теперь примешалась и большая боль, боль, которая никогда не пройдет. В те дни мы, счастливые и праздничные, не знали что так близка катастрофа войны. Я не ведал, что больше никогда не встречу Кязима, что это последняя наша встреча и мне больше не удастся посмотреть в его глаза, в которых горел огонь вечной поэзии, сияли горы, горели раны родной земли. В этих глазах клубились столетия, их мудрость и муки, их радость и боль. Эти глаза смотрели на нас, как сквозь века, они были глазами народа. Через много лет я снова увидел аул Шики, но Кязима не суждено было увидеть. Родной аул, где он прожил восемьдесят пять лет, ему пришлось покинуть. В 1944 году он со всеми своими земляками был увезен в Среднюю Азию и вскоре умер в Талды-Курганской области. В далеких степях навсегда закрылись глаза великого поэта гор. Ему не удалось перед смертью взглянуть на вершины. А он больше всего был близок к вершинам, его стихией была высота. Горный орел не может жить без гор, как рыба без воды, и он угас. Жизнь и поэ-

зия его были полны драматизма, и смерть оказалась трагической,— он умер далеко от родных ущелий. Мы даже не знаем, где покоится его прах, где та безыменная могила, в которой лежит лучший поэт и мыслитель Балкарии. Возможно, нет даже могильного холмика, его сравнивали с землей степные ветры. Нет даже могилы, к которой мы могли бы подойти и сказать: «Вот здесь похоронено одно из лучших сердец, когда-нибудь стучавшихся в наших ущельях!»

Вот что для нас значит культ личности! Им были порождены несправедливость и произвол. Я говорю о переселении горцев Кавказа. После того, как ЦК нашей партии и Советское правительство восстановили ленинскую революционную справедливость, горцы вернулись на свою древнюю землю, политую их кровью и потом, снова разожгли потухший огонь родных очагов. А Кязим, величайший из горцев, не дождал до этого часа торжества справедливости, которую любил, как жизнь, и которой служил неизменно. Он ушел в могилу с великой болью изгнания и тоской по родной земле. А ведь ему больше всех хотелось лежать только в земле отцов, под сенью гор, и он был достоин этого.

В замечательном стихотворении о сером камне, которое написано в 1910 году во время скитаний по Аравии, Кязим просит бога вернуть его на родную землю, если даже бог превратит его в серый камень! Да, лучшим отпеванием для него было бы рыдание гор, их гроза, гром и ливни над его свежавырытой могилой. Его могилу должны были бы омывать дожди родной земли, засыпать ее снега, над ней должны были бы проходить облака, идущие от Эльбруса

к Кязбеку, и с клетотом пролетать орлы, будто читая в полете его поэмы.

Я пожимал его добрую руку, лучшую руку в наших горах, прижимался щекой к его жесткой бороде, знал счастье общения с великим мастером. И я снова через много лет, после огня и дыма войны, изведав горький хлеб изгнания, вернулся в аул Шики посмотреть на остывшие камни очага Кязима. Дых-Тау все так же сияла снегами, пенная от быстроты речка все так же неслась вниз, дворик поэта зарос травой, за речкой перед аулом еще стояла полуразрушенная его кузница, где десятки лет он ковал железо и слагал стихи. Так же задумчиво тянулись тропы за аулом, где мы бродили. Я снова увидел на зеленой траве тень пролетавшего орла. А Кязима не было. Но удивительный горный мир, над которым пролетал лермонтовский Демон и после изгнания из рая впервые удивился земной красоте, этот полный поразительных красок мир, воспетый Кязимом, снова лежал передо мной, как раскрытая вечная книга.

Кязим Мечиев в поэме «Раненый тур» сокрушается, что у горцев нет печати, нет книгоиздания. Поэт родился в 1859 году. Лев Толстой еще был молодым офицером. Кязим являлся современником Важа Пшавела и ровесником Коста Хетагурова. Он родился у народа, который не имел письменности и печати. Однако он был поэтом-писменником и свои балкарские стихи записывал арабскими буквами. Как ни странно, Кязим никогда не пел свои стихи, хотя их пели все — жена поэта, его сестры, дочери, сыновья и весь народ. Но читал он собственные стихи прекрасно, очень своеобразно. Хорошо помню эти неповторимые кязимовские интонации — то проникновенно горестные, то энергич-

ные, похожие на орлиный клетот, то задорные, как при рассказе народного анекдота о Ходже Насредине, то мягкие, как шелест травы или дрожание зеленого листа.

Кязим самозабвенно любил жизнь, людей, любил весь мир, его краски, как всякий подлинный художник. Потому-то ему были так ненавистны несправедливость, насилие, гнет. Первые его стихи отмечены 1890 годом. В старом мире на каждом шагу поэт видел бесправие, насилие, горе. О них говорил он в своих стихах со всей откровенностью и честностью, беспощадно и бесстрашно. У него были очень зоркие и чистые глаза, полные мудрости и страдания, глаза гуманиста. Талант и жизнелюбие — вот его первая черта. Горевал поэт и протестовал против зла из глубокой любви к жизни. Иначе он не стал бы поэтом в старой Балкарии, сидел бы спокойно и ел свой черствый кусок чурека. Острое чувство несправедливости и смелый протест против нее, это свойство всех больших художников, было в полной мере присуще и Кязиму. Его огромная искренность сродни сокрушительной искренности Александра Блока. Только остается сожалеть, что судьба и обстоятельства его жизни не дали Кязиму так же хорошо знать русскую литературу, как восточную. Ведь он во многом близок и к Лермонтову. Как обогатило бы Мечиева хорошее знание великой и честнейшей русской поэзии. Жаль, что он только в старости соприкоснулся и ознакомился с нею. Такие кязимовские шедевры, как «Раненый тур» — это горестные сетования, бунт и мятеж против мира жестокости, защита угнетенного народа и человека. Они потрясают нас до сих пор не только поразительной образностью, но и своей обнаженной правдой.

Я не цитирую здесь Кязима. Все произведения, которые упоминаются, читатель может сам прочесть в книге. Я всегда читал с удивлением четверостишия Мечиева. В них заключены высокая образность, глубокая мудрость и национальная самобытность. На Востоке в старину любили писать четверостишия — рубаи. Кязимовские отличаются от них не только формой рифмовки (рубаи рифмовались — аа, ба), но и своим национальным самобытным ходом мысли, конкретным балкарским содержанием. Это настоящие горские стихи, хотя Кязим прекрасно знал языки арабский, фарси, турецкие, читал великих поэтов Востока, учился у больших мастеров от Саади и до Фатали Ахундова, он оставался оригинальным художником, верным горской действительности, глубоко постигая психологию своего народа.

Кязим Мечиев много скитался по Востоку, путешествовал и учился. Но куда бы ни вела пелегкая дорога, в душе он носил родные вершины Кавказа. И в то же время он любил весь мир. Иначе и не могло быть. Сердце большого поэта всегда раскрыто всей земле. Мы помним, что говорил об этом Генрих Гейне. И это была глубокая правда. Кязим писал, что он видел арабов и турков, но везде богатый живет как богатый, а бедный как бедный, сильный гнет к земле слабого. Балкарский поэт горестно размышлял в своих стихах, родившихся в Аравии, что в глазах араба-труженика та же печаль, что и в глазах горца. В своих скитаниях Кязим видел, что горе угнетенного человека всюду имеет один цвет, и Мечиев кланялся каждому нищему. В этом заключалась глубина философии и суровой своеобразной диалектики лирики Кязима. Он воспевал в стра-

нах Востока не дворцы султанов и ханов, не священный камень Мекки — Каабу, а руки и печальные глаза мастеров, мудрость угнетенного человека.

Поэма «Бузжигит» занимает особое место в творчестве балкарского мастера. В ней он поднял на большую высоту свои глубокие размышления о любви и труде человека, о смысле его жизни, об отношении людей друг к другу. Тема поэмы общевосточная. Но она у Кязима стала конкретно горской. В ней горят раны старой Балкарии. Мудрый зодчий в этой поэме считает счастьем для себя, что построенные им дома стали красотой родного города, что он в мире, полном жестокости, не заставил плакать ни одного ребенка, что на земле, где пролито столько крови, ни капли крови не пролил, и к рукам его приставала известка, а не кровь. Он завещает сыну не соблазняться мишурой ложной славы, при любых обстоятельствах оставаться человеком. Старый мастер считает это высшим счастьем на земле. Он выражает самые сокровенные мысли самого поэта. Гуманизм Кязима сильнее всего выражен в этом произведении.

У Мечиева были философские и религиозные срывы и заблуждения. Но все это ничто перед могучей силой его лучших созданий, порой поднимающихся до высот самых замечательных произведений мировой поэзии. Не об этом разве свидетельствуют такие шедевры его лирики, как «Я сравню тебя с моей стрелой...», «Серый камень...», «Мир — тяжкая тропа, где скорбь и горе...», почти все четверостишия и поэмы «Раненый тур», «Бузжигит». Если за пределами Балкарии почти неизвестны эти удивительные поэтические произведения, то в этом вина не Кязима.

Кязим Мечиев поднял нашу национальную мысль на

большую высоту и заложил основы нашей письменной поэзии. Мы благодарны ему навсегда и всю жизнь будем учиться у него.

Как художник, всегда бунтовавший против несправедливости и гнета, искавший правду, Кязим не мог не приветствовать Октябрьскую революцию. Были моменты, когда он колебался, не принимая всеобщего кровопролития, но вскоре понял его неизбежность. Старый поэт отправил сражаться за Советскую власть старшего сына Мухаммада, который командовал отрядом и погиб в Дагестане. Отец сложил о героической гибели сына горестные и в то же время мужественные стихи. Теперь они стали народной песней. Он создал песню о знаменитом балкарском революционере Солтан-Хамиде — сподвижнике С. М. Кирова. Этот храбрый и самоотверженный горец из Чегемского ущелья погиб, прикрыв собой Кирова. Эта песня до сих пор остается одной из любимых в Балкарии. Наконец, Кязим одним из первых в горах Кавказа написал мудрые стихи о Владимире Ильиче Ленине. Знаменитая мысль из этого стихотворения «Не опирайтесь о камень, который срывается» стала у нас пословицей. Эта строка у поэта означала, что старый мир подобен камню, который срывается со скалы в пропасть, и опираться на него не надо. Великий поэт гор служил ленинской правде так же, как он служил всегда правде жизни.

Книга Кязима в переводе на русский язык выходит впервые. Это радостно и горько. Радостно потому, что наконец-то справедливость восторжествовала: все барьеры, мешавшие популяризации великолепной поэзии балкарского классика, устранены, и его творчество откроется всем

читателям. Горько же потому, что так долго такой большой поэт почти не был известен большому кругу читателей, не знающих балкарского языка.

Переводы Семена Липкина я мог бы охарактеризовать двумя словами — они прекрасны. В них — печать мастерства и вдохновения. Эти переводы воспроизводят оригинал с такой возможной точностью, которая позволяет почти в полной мере ощутить большое и живое сердце Кязима. Общеизвестно, что поэтическая точность перевода не является буквальной точностью. Тут речь идет о состязании двух мастеров — поэта перевода и поэта оригинала. Они подобны двум скакунам на скачках. Оба так честно, не жалея себя, скажут, что я люблюсь ими обоими. Читая переводы Семена Липкина из Кязима, я чувствую, как увлекся горским поэтом этот большой мастер поэтического перевода, всем сердцем почувствовал кязимовскую стихию, мир его поэзии, его судьбу и судьбу его народа, проникся глубоким уважением к нему и доверием. Переводчика взволновала подлинность Кязима. Только в таком случае могут вылиться, как вино из кувшина, переводы, подобные тем, которые сейчас лежат передо мной. С. Липкин сделал для нас и для всех, кому дорога настоящая поэзия, огромное дело — он распахнул двери русского языка перед поэзией Кязима Мечиева.

Кязим всегда всем своим творчеством утверждал, что правду нельзя навечно спрятать в сундук. Рано или поздно, говорил он, правда и справедливость разнесут в щепы все черные сундуки и вырвутся в просторы мира, как ливень. Верность этой его мысли в последние годы подтверждается все больше и больше. Все мы свидетели тому. Теперь на-

всегда покончено с несправедливым отношением к поэзии Кязима, и ныне она, как ливень, вырывается в земной простор.

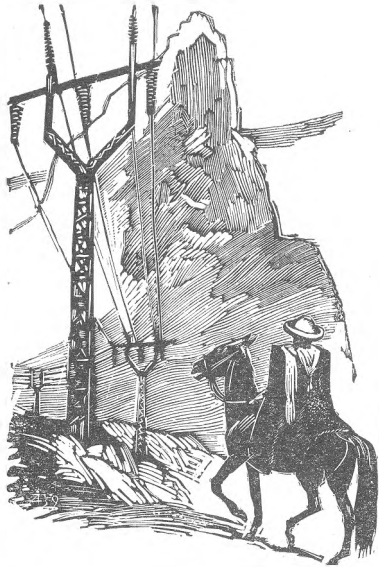
Когда я пишу эти строки, я снова как бы прижимаюсь щекой к жесткой бороде и большому сердцу Кязима, чувствую на своем плече его добрую руку. За моими окнами снова белеют горы, от Эльбруса к Казбеку проходят облака, как при Кязиме, на улицах Нальчика рдеют розы. И, как они, радуя глаза и сердца, живет поэзия Кязима,— в ней воздух высот. Облик Кязима стал памятником. Он, опустив подбородок на сложенные руки, смотрит на сияющие горы Черекского ущелья и Голубые озера. Поэт и горы смотрят друг на друга. Они были необходимы друг другу. А школьники читают наизусть стихи Кязима и приносят живые цветы ущелий к его памятнику. Вечен мир и вечна поэзия. В этом счастье Кязима и наше.

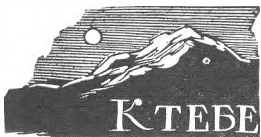
К а й с ы н К у л и е в

СТИХИ

The word "СТИХИ" is rendered in a highly decorative, stylized font. The letters are thick and blocky, with a textured, hatched appearance. The word is set within a horizontal band that is part of a larger decorative composition. This composition includes intricate scrollwork, floral motifs, and what appears to be a small figure or object on the right side. The overall style is reminiscent of early 20th-century decorative arts or Art Deco influences.

К ТЕБЕ я хотел перебраться в челне,—
Челнок опрокинулся мой.
К тебе я хотел прискакать на коне,—
Свалился мой конь вороной.

В письме я с тобою повел разговор,—
Письмо утонуло в реке.
Мой голос не слышен тебе из-за гор,
Лишь эхо звенит вдалеке.

1890

* * *

Холмик мы не приравняем к скалам,
Ветке садом слыть не подобает.
Выживает раненный кинжалом,
Раненный любовью — погибает.

1890

* * *

Чую твоего жплья тепло,
Мы соседи, наши сакли рядом,
Но меж нами столько верст легло,
Сколько меж Чегемом и Багдадом.

Твой отец и брат тому виной,
Что легла меж нами даль такая.
Дверь твоя закрыта предо мной,
Как пред грешником — ворота рая.

1890

ЖАЛОБА

Я любила бедного джигита,
Но моя кичливая родня
На мою любовь была сердита,
За него не отдала меня.

Темными становятся вершины,
Если нет ни солнца, ни луны:
Те, кто не поймет моей кручины,
Точно так же помыслом темны.

Люди, что вы сделали со мною,
Как мне быть, как справиться с бедой?
Против воли стала я женою
Старика с седою бородой!

О моих слезах замолкла повесть,
И под гнетом ропот мой затих.
Дни мои теперь черней, чем совесть
Черных притеснителей моих.

Я познала все на свете грозы,
Всю неправду, всю тоску земли.
Если б я лила на камень слезы,
То они бы камень тот прожгли.

Ночью просыпалась я в тревоге,
Будто бить меня хотят плетью,
Утро я встречала на пороге
В страхе перед миром и людьми.

Никого не трогали в округе
Робкой жалобы моей слова,
Только в тишине ночной в испуге
Отвечала мне порой сова.

Годы шли, меня в печали старя.
Все прошло, не стало прежних сил.
Я была скотиной на базаре:
Этот продал, тот меня купил.

Да не будут девушки, рыдая,
Проклинать, как я, свои года!
Так, как я страдала, пусть другая
Больше не страдает никогда!

Матери, отцы! Не разлучайте
Молодых возлюбленных сердца,
Счастья ранних лет не разрушайте,
Не желайте горького конца!

Девушки! Неволей стать женою —
Хуже, чем упасть с крутой скалы.
Что такое страх перед роднею?
Это цепи, это кандалы!

1898

СЕТОВАНИЯ ДЕВУШКИ

Дал мне косы длинные аллах,
Только счастья не дал мне в делах,
Черные глаза дала мне мать,
Чтоб любовь у дочери отнять.

С милым я навек разлучена,
Скорбь моя соседям не слышна.
Где найду слезам своим приют?
Только скалы боль мою поймут...

1900

* * *

Храбрость острее любого кинжала,
Тупость тупее мотыги тупой.
Храбрость в бою твой очаг отстояла, —
Трусость залить его хочет водой.

Храбрость прочнее и тверже гранита,
Трусость бессильна, безвольна, как дым.
Храбрость, друзья, выбираем открыто,
Ибо людьми называться хотим!

1900

ОТКРОВЕННОЕ СЛОВО

Храбрый скачет, робких презирая,
Любит сплетни женщина дурная,
Место для орла в горах — вершина,
Любит нагло врать плохой мужчина.

Долго спит бездельница в постели,
Мелет глупый вздор все дни недели,
Пустослову по сердцу обманы,
Ложью набивает он карманы.

Грязную овцу кусают блохи,
Те мужчины, что трусливы,— плохи,
Болтунов безмозглых презираю,
Труссы не нужны родному краю!

1901

* * *

Только вышел я из сакли на заре,
Воробья увидел сразу на дворе.
Мой голодный, но свободный воробей,
Ты не знаешь ни рабов и ни князей!

1902

* * *

Я слагаю стихи и железо кую,—
В том и в этом есть надобность в нашем краю.
Не князя нам нужны, а нужны топоры,—
И Кязим это понял с недавней поры!

1905

ХОРОШЕЕ СЛОВО

Хорошее слово ножом не разрубишь,
Угрозы ему не страшны,
В огне не погубишь, на рынке не купишь,—
Оно не имеет цены.

Скажи мне, что жизнь без хорошего слова?
Как будто без соли еда!
Хорошее слово — мужчины основа,
В нем слышится сердце всегда!

Хорошее слово — противник насилья,
Борцам помогает созреть,
Хорошее слово для доброго — крылья,
Недобрых стегает, как плеть.

Хорошее слово с отвагою слито,
Блестит, как дамасская сталь,
Для нищих — богатство, для слабых — защита,
Утешит, прогонит печаль.

И пуля остынет, и поле заглохнет,
И влага в песке пропадет,—
Хорошее слово не стынет, не сохнет,
А мчится вперед и вперед.

Хорошее слово — твой разум и голос,
И солнце твое, и луга,
Души твоей сказка, земли твоей колос,
Огонь твоего очага!

Хорошее слово — твой праздник и горе,
И горский тяжелый твой хлеб,
И меч, и кольчуга, и воздух нагорий,
Где ты возмужал и окреп.

Хорошее слово с тобою смеется,
С тобою грустит в трудный час,
Мы жизнь покидаем,— оно остается
И служит живым после нас.

Насильники, вам не отдам свое слово,
Бесчестных не терпит Кязим!
Всегда мое слово — опора живого
И предано людям простым!

1905

МОЕМУ ПСУ

Мой пес, приятель в черной шкурке,
Тебе тепло без горской бурки,
Ко мне ласкаешься, любя,
Я никогда не бью тебя.

Ты стадо сторожишь на славу,
Тебе мерзавцы не по праву,
Как я, не терпишь ты врагов —
Двуногих мерзостных волков!

Дружу я много лет с тобою,
Мы общей связаны судьбою,
Ты много света мне принес,
Мой черный пес, мой добрый пес!

На недругов моих ты лаешь,
А мне спокойных дней желаешь,
Ты в кузне у меня, как друг, —
И пусть бушует дождь вокруг!

Ты за меня, презревши робость,
В огонь пойдешь и прыгнешь в пропасть.
Я вижу, как тосклив твой взгляд,
Когда и я тоской объят.

Из-за меня страдал, бывало,
Моих стихов узнал немало,
Умнее, чем знаток иной,
О них беседовал со мной.

Хозяин твой не князь, а нищий,
Тебе он не жалует пищи,
Стихи поет и сталь кует,
Собаку никогда не бьет.

Ты заслужил вот эти строки,
Мой черный пес, мой быстрокий!
Бесчестным, злым внуши испуг,
Мой черный пес, мой верный друг!

1906

ЗАВЕЩАНИЕ СЫНУ

Сын мой, скоро я в могилу лягу.
Сколько зла судьба мне принесла!
Ты же, может быть, придешь ко благу,
Жизнь увидишь без людского зла.

Если ты увидишь, что взрастили
Люди мир и счастье на земле,
Сын мой, подойди к моей могиле,
Крикни мне о побежденном зле.

Может быть, сквозь черный прах могильный,
Чтоб я смог спокойно отдохнуть,
Голос твой услышу звонкий, сильный...
Только, сын мой, крикнуть не забудь!

1906

ВОРОБЕЙ, КОТОРЫЙ ЗИМОЮ
СЕЛ НА НАШЕМ ДВОРЕ

На дворе — мороз, дружище,
Ты замерзнешь, воробей.
Иль не сыщешь в мире пищи,
И приюта, и друзей?

Воробей, от стужи лютой
Не спасешься ты никак.
В перья горлышко не кутай,
Не согреешься, бедняк!

Бедняков, тебя похуже,
Много есть у нас в краю,
На земле от зимней стужи
Худо им, как воробью.

Накрошу тебе я хлеба,
Подкрепишь-ка поскорей.
Пусть тебе поможет небо,
Не робей, мой воробей!

Я хочу, чтоб ты, брат, выжил,
Погулял с весной вдвоем.
Кот не съел и срок не вышел?
Значит, снова мы живем!

Тот, кто беден, тот в неволе,
Так от века повелось,—
У него врагов поболее,
Чем на голове волос.

Разве нам поможет робость,
Если недруги кругом?
Тот, кто глуп и робок,— в пропасть
Пизвергается врагом!

От мальчишек нехороших
Постарайся улететь:
Накидают хлебных крошек
И тебя заманят в сеть!

Стужа. Ветер воет люто.
Воробей, среди зимы
Ты, как мы, лишен приюта,
Голодаешь ты, как мы.

1907

ХВАСТЛИВОМУ КНЯЖИЧУ

На нас ты смотришь свысока,
А чем ты лучше бедняка?
Из века в век, из года в год
Чужим трудом живет твой род!

Ты дружбы не проси моей,
Я не ищу таких друзей.
Дороже мне один мой стих
Всех знатных родичей твоих!

1907

* * *

Входит в наши аулы туман из ущелий,
Входит в хлевы, конюшни без видимой цели,
Точно так же, без спросу, хоть дверь на запоре,
Входит в наши дома беспросветное горе.

1908

* * *

Я сравню тебя с моей стрелою,
Молодость, пустилась ты в полет.
За какой сокрылась ты скалою?
Кто тебя, далекую, найдет?

Ты взяла красу и стать фазанью,
Молодость, достойная хвалы,—
Или ты была той самой ланью,
Что погибла от моей стрелы?

1910

* * *

Порою на вершине снег блистает,
Порою тает на горе,
А боль моей души, увы, не тает
Ни при какой жаре.

Свалился тур, чью кровь земля глотает,
И вот от крови нет следа,
А боль мою долина не впитает,
Не унесет вода.

1910
Стамбул

* * *

Если дождь прошел и даль светла,
За дождем ты не скачи в седле.
Если молодость твоя прошла,
Не ищи ее по всей земле.

Ты ее не купишь у купца,
Хоть и станешь цену набавлять,
Не получишь снова от отца,
Не возьмешь у матери опять!

1910
Стамбул

* * *

Серый камень сорвался с утеса,
В мрачной бездне остался лежать...
Никогда ты наверх не вернешься,
Свой утес не увидишь опять...

Я молю тебя, господи, ныне:
Лучше в камень меня преврати,
Но остаться не дай на чужбине,
К моему очагу возврати!

1910
Дамаск

* * *

Избороздил я много бурных вод,
Бывал у турков, ездил я к арабам.
Бедняк повсюду как бедняк живет,
И сильный измывается над слабым.

1910

Стамбул

* * *

Горя много, счастья мало, путь тяжел.
Я искал повсюду счастье,— не нашел.
Долго с горем я боролся словом правым,—
Точно сито, сердце сделалось дырявым.

Как и горец, смотрит с горечью араб,
Как и горец,— он бесправный, бедный раб.
Разлилась печаль по всем людским жилищам,
Где б я ни был, низко кланяюсь я нищим.

1910

Мекка

* * *

Если б знал, где для родины счастье найти,—
Прискакал бы к нему, сделав ноги — конем,
Если б кровь, как река, разлилась по пути,—
Переплыл бы ее, сделав сердце — челном.

1910
Мекка

* * *

Багдад посетил я, увидел Стамбул,
Я в Мекке от тягот пути отдохнул,
Но мне показалось, что вновь я родился,
Когда возвратился в мой бедный аул!

1910

* * *

Мир — тяжкая тропа, где скорбь и горе,—
По той тропе чьи ноги не прошли?
Мир — это взбаламученное море, —
И чьи в нем не тонули корабли?

Мы по морю плывем среди многоводья,
Не зная, где корабль потонет вдруг.
Мы падаем с коня, хотя поводья
Стараемся не выпустить из рук.

Каким бы, мир, ты ни был горьким морем,—
Тебя мы любим, ты — наш отчий дом.
Пускай тропа в снегу,— мы с бурей спорим,
Сквозь вихрь и снег мы все-таки идем!

1910
Багдад

* * *

У турков, арабов проделав скитаний круги,
Я снова увидел вершины твои, Безенги.
Что может быть лучше, отраднее в мире земном,
Чем запах кизячного дыма в ауле родном!

1910

СТРОКИ ПИСЬМА,
ПОСЛАННОГО ДОМОЙ ИЗ АРАВИИ

Родине сыновний шлю привет,
Двум аулам Безенги.
Пусть моя земля не знает бед,
Пусть умрут ее враги.

Шлю я старой матери поклон,
Пусть не сетует она,
Что я долго с нею разлучен
И тропа моя трудна.

1910

* * *

Свое метнул я слово, как стрелу,
И та стрела разбилась о скалу.
Но пред насильем не склонюсь покорно,
Я буду проклинать его упорно!

1910

* * *

Мы овцы. Ближе, ближе стая волчья.
Безгласен наш испуг и боль глуха,
То жмемся, то шарахаемся молча,—
Отара, что лишилась пастуха.

1910

* * *

Чтоб родину избавить от невзгод,
Я в кузнице кую железо с жаром,
И, видя, как страдает мой народ,
Я сам горю, как уголь в горне старом.

1910

* * *

Скорбит земля родная, плачут реки,
И топчет сильный тех, кто послабей.
Чтоб мой народ свободным стал навеки,—
Помочь прошу я бога и людей.

1910

МАТЬ ОХОТНИКА

Мой сын, идешь охотиться на тура,
А сердце ноет у меня в груди:
Суровые вершины смотрят хмуро,
Туманы, бездны, кручи впереди!

Мой сын, повсюду снежные провалы,
А в сердце матери твоей — тоска:
Так скользки в пору снегопада скалы,
Над пропастью тропинка так узка!

Мой сын, в горах давно отцвел терновник,
А голос материнский задрожал:
Тебя не ждет ли наш давнишний кровник,
Не точит ли в ущелье свой кинжал?

Мой сын, пускай поймет мою тревогу
Наш Абсаты, бог леса и зверей,—
Храня тебя, пусть выйдет на дорогу:
Ведь ты один у матери своей!

Мой сын, пора настала снегопада,
Печальны, мрачны горные пути.
Клянусь тебе, что умереть я рада,
Зато тебя от гибели спасти!

1910

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Луна в родном ауле
Нам светит, мой малыш.
Вершины гор заснули,
А ты еще не спишь.

И ослик, и теленок
Уснули на дворе.
Не плачь, мой соколенок, —
Проснешься на заре.

Цыплята спят в сарае,
Луна им шлет привет.
Усни, забот не зная,
Усни, мой лунный свет.

Скорее стань мужчиной,
Скорей порадуй нас,
Усни, мой снег вершинный,
Усни, мой светоч глаз.

Пусть беды в день жестокий
Проходят стороной.
Усни, мой белобокый
Ягненочек родной.

Под месяцем лучистым —
Покой и забытье.
Твой мир да будет чистым,
Как молоко мое.

А кто клинок добудет,
Кто станет нам врагом, —
Да материнским будет
Он проклят молоком!

Ты на земном просторе,
Всем недругам на страх,
Живи, как рыба в море,
Как птица в небесах.

Спят скалы и утесы,
Кругом — луна и тишь.
Усни, звонкоголосый,
Усни, усни, малыш!

1910

ТРУЖЕНИКУ

Умный трудится, не уставая,
Ничего не делает глупец.
Что сказать о сущности лентяя?
Я скажу: лентяй — живой мертвец.

Радостно живется работающим,
Лодырям тоскливо жить везде.
Наше счастье станет настоящим,
Если мы найдем его в труде.

Без труда и сердце не на месте,
И чурека нету на столе.
Без труда прожить — прожить без чести,
Лишним оказаться на земле.

Жалок лодырь, словно пес бездомный,
Хоть порою он одет в шелка.
У жены лентяя — жребий темный,
А у матери его — тоска.

Трудолюбье землю озаряет,
Свет и разум жизни — честный труд.
Лодыря повсюду презирают,
Труженику почесть воздают.

1919

* * *

Несчастный мой народ, я твой удел постиг,
И чтоб тебе помочь, прочел я много книг.
Читаю и пишу, и нет конца труду,
Но счастья для тебя никак я не найду.

1911

* * *

Шумя, с отвесных гор сбегают вниз потоки,
Уходят холода в назначенные сроки,
Лишь горе моего народа постоянно,
И в сердце у него не заживает рана.

1912

* * *

Сегодня князь Суюнч Ахмата-бедняка
Ударил палкою — и голову рассек.
Той палкой ранен я, и рана глубока:
Душа моя в крови, — не заживет вовек.

1912

* * *

Кто бы нам чувяки сшил без платы,
Чтоб могли мы вечно в них шагать?
Где для нас найдется конь крылатый,
Чтоб на нем до счастья доскакать?

Но и кожи нет, чтоб горцам нищим
Сшить чувяки вечные себе,
И коня крылатого не сыщем,
Чтоб к счастливой прискакать судьбе.

1912

ПРАВДА

Правда — нерушимая гора.
Правда — и могуча, и добра.
Правда не заблудится во мгле,
Правда не повиснет на скале.

Не кичитесь, князь и богатей,
Вы не лучше нас, простых людей,
Будут и богатства и чины
Вместе с вами в прах превращены!

А народа правда не умрет,
Отстоит, спасет ее народ,
Ни убить ее нельзя, ни сжечь,
В сердце правды не войдет и меч!

Правда всех насильников сильней,
Каторга беспомощна пред ней,
Правда не боится ни царей,
Ни бичей, ни палок, ни цепей!

Это говорит хромой Кязим,
И пока гляжу в глаза живым,—
Только правде словом я служу,
Только правду чту, как госпожу!

1912

ОСЛИКУ С ИЗРАНЕННОЙ СПИНОЙ

«Молоко ослиное погано,
Но терпению ослика хвала»,—
Дуралеи говорят — и рьяно
Гонят, вьютчат, мучают осла.

Наши горцы без тебя от века
Не обходятся в краю родном,
Почему ж плохого человека
Принято у нас бранить ослом?

Знают хорошо твои копытца
На дороге каждый поворот.
Наблюдал ты взором очевидца,
Как заря заходит и встает.

Нет, мне твой хозяин не по нраву,
Ослик с черной раной на спине.
Бедный ослик! По какому праву
Он тебя избил, поведай мне!

Уши книзу у тебя повисли,
От обид и боли ты ослаб
И стоишь, исполнен грустной мысли,
Как и мы, ты — бессловесный раб!

Знаю, что твою большую рану
Я своим стихом не излечу,
Но стихи твердить не перестану:
Бормочу я, — значит, не молчу.

Строк моих ты не поймешь, бедняга.
Ты с людскою речью незнаком,
Но пускай пойдет тебе на благо
Боль моя, звенящая стихом!

1912

СТИХИ, СКАЗАННЫЕ ОДИНОКОЙ ИВЕ
У ГОРНОЙ РЕКИ

Ты у речки расцвела красиво
И меня обрадовала, ива.
Трудно в кратких описать словах
Мягкие барашки на ветвях!

К нам пришла ты из какого края?
Как ты здесь росла, семьи не зная?
Как ты не сгорела в душный зной?
Не замерзла, бедная, зимой?

Как росла ты без сестер и братьев,
И друзей, и родичей утратив?
Ни отец, ни любящая мать
Не могли сиротку опекать!

Я не раздавлю твои барашки,
Зла тебе не причиню, бедняжке,
Не срублю тебя, не погублю,
Я не из таких: я жизнь люблю!

Ты нежна от белого цветенья,
И тобой люблюсь каждый день я.
Я склоняюсь у твоих ветвей,
Прелесть бедной родины моей!

Знаю, есть такие лиходеи
(Оттого ты стала мне милее!),
Что тебя хотят сломать, срубить,
Вместе с корнем вырвать, истребить.

Не позволю, чтоб лила ты слезы!
Пусть тебя не обдирают козы,
Пусть не гнет свирепый ветер с гор,
Пусть не рубит вражеский топор!

Этот мир обходится жестоко
С нами, уходящими до срока...
Ива-сиротинка над рекой,
Да хранит всевышний твой покой!

1913

* * *

В аулы к нам беда легко находит путь.
Хоть заблудилась бы в горах когда-нибудь!
А счастья, как ни ждем, всё нет, запропастилось:
Как видно, где-нибудь в теснине заблудилось!

1913

ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ?

Юность отмечталась. Что мне делать?
Вот пришла усталость. Что мне делать?
Близко, близко старость. Что мне делать?
Убежать осталось? Что мне делать?

Хоть беги на горную вершину,
Хоть в морскую погрузись пучину, —
От годов себя ты не избавишь,
Старость восвояси не отпавишь.

Эй, Кязим, трудись всегда, всечасно,
И, трудясь, ты не вздыхай напрасно!
Куй стихи с железом воедино, —
Вот где высшей мудрости вершина!

Прогони унынье в эту пору,
Мудрость ты возьми себе в опору.
Ты трудись упорно, непокорно,
Куй железо, стих слагай у горна!

1913

* * *

Стал мрачен свод небес, над саклями нависший,
И горести, как снег, посыпались на крыши.
Аллах, аллах, взгляни на горы! В самом деле:
Их головы от бед и горя поседели!

1913

* * *

Кязим, к чему твой стон и вздох глубокий?
Как волчий вой — твой голос одинокий.
Ты обратил глаза на мир жестокий,
И брызнули на землю слез потоки.

1914

* * *

Немало горьких слов ты людям даровал,
Кязим, ты проклинал, Кязим, ты горевал,
Но можно ль на земле прожить без горьких слов,
Когда нам смерть грозит от множества волков?

1914

1914 ГОД

Вновь охвачен мир войной кровавой,
Умирает мирный труд природы.
Проклят царь, владеющий державой:
Он принудил враждовать народы.

На войну уходят молодые,
Остаются матери в тревоге.
Грозно, как обвалы снеговые,
Низвергаются на нас налоги.

В мире нет покоя и надежды,
На две части он войной расколот.
Не хватает у людей одежды,
Надвигается угрюмый голод.

Губит на земле один другого,
Горе и беда на белом свете,
Мертвый хочет задушить живого,
А народ за все, за все в ответе.

Ныне в мире правит злое время,
Нас, несчастных, плавит злое время,
Все живсе давит злое время.
И сердца кровавит злое время.

Справимся и с этим тяжким горем!
Стойте, горы, как всегда стояли:
Стойкости учась у вас,— поборем
Все невзгоды мира, все печали!

1914

* * *

Да будут прокляты насильники стократ!
Как угли в очаге, сердца у нас горят.
Но в правду веровать, как в хлеб насущный, будем,
Надежду посохом избрав на радость людям.

1914

* * *

Кругом жестокий вихрь, тяжелый снегопад,
Но горы, как всегда, без трепета стоят.
В години бедствия, тревоги и невзгод
Учись у наших гор, несчастный мой народ.

1914

* * *

Идет в ауле дождь, блестя, шумя, струясь,
И с каждой улицы он всю смывает грязь.
Но смоют ли с людских сердец клеймо кручины
Те ливни грозные, что падают с вершины?

1914

* * *

В трубу моей сакли падает черный снег.
Стучится тревога, просится на ночлег.
Скажи мне, тревога, злая гостья моя,
Ужели другого нет у тебя жилья?

1915

* * *

Кинжальных ран и пулевых не счесть
на нашем теле,
И больше горечи в душе, чем скал
среди ущелий.
Как скалы, терпим каждый день
и вихри и обвалы:
Все те, кого зовут людьми, выносливы,
как скалы!

1916

МОЯ СТАРАЯ САКЛЯ

Ты, старая сакля, немало
Мне счастья и горя дала.
От вьюги меня охраняла,
Зимой не жалела тепла.

Звенела ты свадебным пиром,
О мертвых рыдала не раз.
Встречала приятелей с миром,
Врагов принимала подчас.

Надежды, восторги, досады
Ты честно делила со мной.
В ненастные дни, в снегопады
Была для меня ты броней.

Дожди подбирались вплотную,
И ливни войсками текли,
Но крышу твою земляную
Они победить не могли,

Огонь очага наблюдая,
Я думал о жизни своей.
Здесь, в сакле, подруга седая
Растила моих сыновей.

Здесь, в сакле, обрел я опору,
Здесь думы окрепли мои,
Здесь в самую трудную пору
Я хлеб добывал для семьи.

Я здесь бормотал свои строки
В тепле твоего очага.
Кто б ни был он — близкий,
далекий, —
Ты гостю была дорога.

Здесь песни я складывал смело,
Приверженность к правде храня.
Ты, сакля, тепла не жалела,
Тепла и огня для меня.

1916

* * *

Толкуют о царе, о войске говорят.
Налогов требуют и требуют солдат.
Кровавых рек поток, глухих громов раскат,
Аулы — как сады: побил их сильный град.

Нам не дает вздохнуть жестокости указ.
Цвет жизни под ярмом насилия погас.
Неправда душит всех, кто угнетен сейчас,
И бешеные псы бросаются на нас.

Вам это говорит хромой кузнец Кязим.
От горьких, долгих слез я стал почти слепым.
Вам это говорит Кязим в последний раз:
Терпенья больше нет, терпенья нет у нас!

1916

ПЕСНЯ О СОЛТАН-ХАМИДЕ *

Чтоб служить народным нуждам,
Он за Кировым пошел.
Богачам, народу чуждым,
Был он страшен, наш орел.

Чтобы горец был свободен,—
Повсеместно знаменит,
Беспощаден, благороден,
Бил врагов Солтан-Хамид.

Он в бою с коня свалился,
Обагрив кровью прах.
Показалось: дождь пролился,
С кровью смешанный, в горах!

---

* Солтан-Хамид—балкарский революционер, соратник Кирова во время гражданской войны на Кавказе. Погиб в Чечне в 1918 году, прикрыв собою Кирова от вражеской пули.

Был он с Кировым в сраженье,
Смело ринулся в борьбу,
А вернулся к нам в селенье
В позолоченном гробу.

Ни угрозы, ни злословье
Не сломили смельчака...
Конь его, обрызган кровью,
Пржекакал без седока.

В том бою свистели пули,
Пули падали, как дождь...
Над соратником в ауле
Плакал Киров, горский вождь.

Он покрыл Солтан-Хамида
Черной буркою, и мгла,
Как народная обида,
На вершины гор легла.

Смелого исполнен духа,
Пал в бою Солтан-Хамид,—
Пусть же будет легче пуха
Та земля, где он лежит.

Плачут горы вместе с нами:
Храбрый горец опочил,
Но над ним пылает знамя —
То, что Ленин нам вручил.

Павшего героя смелость
Средь людей всегда жива, —
Потому-то захотелось
Мне о нем сложить слова.

1918

БЕРИТЕ ОРУЖЬЕ!

Берите оружие на радость живым,
Удачи желает вам горец Кязим!
Не ради убийства и кровопролитий,
А ради свободы оружие берите!

Не сбейтесь, джигиты, с прямого пути:
Дороги открыты, чтоб к правде дойти!
На ваших клинках — это видно мне сразу —
Сверкает свобода, свобода Кавказу!

1919

* * *

Я понял: честен путь большевиков.
Они людей спасают от оков.
Не я ли сам, среди угрюмых скал,
В оковах долго плакал и стонал?

Мой стих да будет с этих пор огнем,
Чтоб все оковы расплавлялись в нем.
Пусть превратится на моих глазах
Тюрьмы последний камень в пыль и в прах!

1919

СЫНУ МУХАММАДУ *

Слагаю стих, но строчка тяжела мне,
И душат, душат слезы мой рассказ.
Слова стоят, недвижимые, как камни...
Мой сын, как рано ты ушел от нас!

Туман ползет, ползет по небосводу.
Не зная сна, встречаю утро дня,
Ты отдал жизнь за правду и свободу,
Мой сын, куда ты скрылся от меня!

Ты в бой пошел, как на работу в поле,
Ты партизаном был у нас в горах.
Твой правый меч служил желанной воле,
С коней кадетов сбрасывал ты в прах.

---

* Старший сын поэта Мухаммад Мечиев, один из образованнейших балкарцев того времени, командовал крупным отрядом красных партизан на Кавказе и погиб в Дагестане.

Тебя унес навеки вихрь кровавый,
Стенаньям материнским нет конца,
Но занесен ты в списки вечной славы,—
Вот утешенье старого отца.

Рыдает мать седая в черной шали,
Вершины гор безжалостны к врагу.
И горцев греет в горе и в печали
Кровь смельчака, что рдеет на снегу.

Я горцев призывал сражаться смело,
Мне ныне малодушье не к лицу.
Мой сын, ты бился за святое дело,
Как надлежит поэту и бойцу.

Пусть я умру такой же смертью трудной,
Да будет смелость и со мной дружна,
Да будет вечен свет свободы чудной,—
Мы знаем, какова ее цена!

Отважные нужны родному краю,
В большевики запишемся, как ты.
Смотри, мой сын, я слезы вытираю,
Чтоб видеть солнце нашей правоты.

1919

* * *

Советская власть,— это ствол золотой,
Богатый плодами, шумящий листвою.
Такая опора — сильнее всех опор,
Кто враг этой власти,— тот враг моих гор.

1924

ЛЕНИН

И горы, и люди, послушайте снова,
Что сердце вам хочет сказать.
Вам долго служило правдивое слово,—
Я верю, послужит опять.

Смотрите: вершина белеет высоко,—
Так Ленин пред нами встает.
Он цепи разбил и народы Востока
Повел за собою вперед.

Чтоб жадных владык уничтожить, свирепость,
С рабочим сроднил чабана,
Насилья разрушил он черную крепость,
И стала нам воля видна.

Подаром боролся он долгие годы,
Чтоб людям дышалось вольней:
Ворота свободы, ворота свободы
Раскрыл он для бедных людей!

Он — правды сиянье, он — дружбы опора,
Мы равных ему не найдем.
Я верю, что все человечество скоро
Пойдет его ясным путем.

Он умер. Но, мира свободного зодчий,
Для нас он остался живым.
Послушай, батрак, и послушай, рабочий,
Совет, что дает вам Кязим:

Не верьте князьям, богатеям не верьте:
Плохой, ненадежный оплот
Тот камень, который толкает вас к смерти,
Который сейчас упадет.

А Ленин — оплот, что вовеки нетленен,
Он — кренче родных наших гор.
Я к Ленину шел — и пришел ко мне Ленин,
И стал я сильнее с этих пор.

1924

БУДЕМ УЧИТЬСЯ!

У темного — и день в тумане.
Кто с грамотою незнаком,—
Запомните, односельчане! —
Пути не сыщет в исполком!

Кто знаньями облагорожен,—
Богат могучею душой.
Кто против знаний,— тот ничтожен,
Он бродит в мире, как чужой.

Наука прорубает скалы,
Несет пустыням шум воды,
Расцвет являя небывалый,
Зимою нам дарит плоды.

Наука реет на просторе:
Помчит конем, взлетит орлом,
Нырнет, людей спасая, в море
За потонувшим кораблем.

Всем людям свет науки дорог,
В нем — утверждение наших прав.
Ты был незряч? Ты станешь зорок,
Науку Ленина познав!

Я говорю вам, братья, с жаром:
Учитесь каждый день и час.
Нужна и молодым, и старым
Наука — светоч наших глаз.

1926

РАЗГОВОР СО СТАРОСТЬЮ

— Ты зачем пришла без спросу, старость?
Разве я позвал тебя сюда?

— Спрашивать? Да я и не пыталась:
Знаю, что у вас ко мне — вражда.

— Как нашла ты путь ко мне, седая?
Много ль исходила ты дорог?

— Нужный дом найду я, не блуждая,
Я приду, когда наступит срок.

— Не могла ты заблудиться, что ли,
Задержаться где-нибудь в пути?

— Что за чушь! В горах, в пустыне, в поле —
Я везде смогу тебя найти.

Отыщу я каждое жилище
Темной ночью иль в начале дня.
Самодержец иль бесправный нищий, —
Люди, все равны вы для меня.

Я, как вы, пред сильным не робею.
Что мне властелинов гнев и плеть?
Даже князю, даже богатею
Невозможно старость одолеть!

Грозных войск не хватит у владыки,
Чтобы на меня пойти войной.
Полководец, храбрый и великий,
Не сумеет справиться со мной!

— Я ворота запер бы со злостью,
Если б знал, что ты ко мне идешь.
Не впустил бы в дом такую гостью:
За собой ты хворость приведешь.

Предстоит мне сделать много дела,—
Ты прервешь мою работу вдруг.
Приказав, чтоб темнота одела
Дни мои, отнимешь силу рук.

Выбьешь мне, безжалостная, зубы,
Скажешь мне: — Прошла твоя пора!
Дашь мне посох сучковатый, грубый
И усадишь во дворе с утра.

Ночью слабый звук меня разбудит,
И заснуть я не смогу опять.
Мне из старой сакли трудно будет
Выйти — свежей травкой подышать.

Не услышу над горами грома,—
Наградишь меня ты глухотой.
Уведешь в последний раз из дома,
Чтобы я заснул в земле сырой.

Старость, старость, твой суровый холод
Руки, ноги властно мне скует...
Но мой стих, как прежде, будет молод,
С ним я вырвусь из твоих тенет!

За сердца людей всегда в ответе,
Я теплом своих стихов согрет:
Ведь пока поэт живет на свете,
Старости не ведает поэт!

1928

МНОГО ВИДЕЛ КЯЗИМ

Я видел, что князя в шелка одеты,
А бедняки — в дырявые бешметы.
В руках князей я слышал свист плетей,
Я видел кровь загубленных людей.

Я видел унижение человека,
Я видел семьи без куска чурека,
Я слышал то, что думали рабы:
Моя судьба — частица их судьбы.

Они таскали и дрова, и воду,
Косили сено в летнюю погоду,
Кормили в зимний день хозяйский скот,
Весной трудились на полях господ.

А сами постоянно голодали,
И беды в трубах их жилищ рыдали,
А жены их, живя еще трудней,
Кормили грудью княжеских детей.

Кязим за век свой долгий видел много.
Поэтому так радостно с порога
Смотреть на красный флаг среди горных скал,
На флаг, который Ленин нам прислал.

Друзья, Кязима слушайте хромого:
Поэта слово есть народа слово.
Кязим боролся с горем много лет,
Вот почему он славит красный цвет!

1928

ПИОНЕРАМ

Друзья мои, хочу сказать вам снова,
Что вы — надежда и расцвет земли,
Вы — всё, что ярко, молодо и ново,
Хочу, чтоб вы героями росли.

На скачках состязаются джигиты,—
Любите, состязаясь, труд, и честь,
И те пути, что широко открыты,
И груды книг, что вы должны прочесть.

Для вас, как жизнь, да будет драгоценен
Полет мечты — в грядущее полет.
Учитесь так, как завещал вам Ленин,—
Он среди вас, поверьте мне, живет!

Хочу, друзья, чтоб знания светоч ясный
Нести с отвагой было вам дано.
Хочу, друзья, чтоб стали вам подвластны
Простор небесный и морское дно.

1929

МОЙ СТАРЫЙ КУВШИН

Кувшин, кувшин, скажу без лести,
Судьба давно связала нас.
С тобою мы встречали вместе
И трудный день, и светлый час.

Ты родниковую водою
Меня поил и обмывал,
Делился радостью со мною,
Со мною горе горевал.

Как часто, одаря силой,
Прозрачней чистого стекла,
Вода моей отчизны милой
Из горла узкого текла!

Случалось, что в ночную пору
Тебя забуду во дворе,
Но ты, кувшин, не бегал к вору,
Ты ждал Кязима на заре.

Лишь в этом пред тобой повинный,
Безгрешен я во всем другом.
Прости меня, мой друг старинный,
Не будь суров со стариком.

Не заслужил я укоризны:
С тобой вдвоем из года в год
Трудились мы во имя жизни,
И нас никто не упрекнет.

С тобой, чья служба непорочна,
Я словом сердца говорю.
Тебя сработавшего прочно
Я мастера благодарю!

1936

БРАТСТВО

Забыть не смогу никогда, никогда
Кинжальные раны — былые года.
Я горе знавал, и терпел я беду,
Народа к народу я помню вражду.

Отрадою было царей и господ,
Чтоб дрался, сражался с народом народ.
Придут ли чужие, придут ли свои,—
Бои на дорогах, в ущельях бои.

То брат обезглавлен, то родич убит.
Чернеют утесы от горьких обид.
Набег совершают, аулы горят,
Овец угоняют и режут ягнят.

Вражда меж людьми, как убийцы стрела,
Вонзилась мне в сердце и в душу вошла.
Забуду ли в черных платках матерей?
Я с ними оплакивал их сыновей...

Так вот почему, к нашей правде влеком,
Я Маркса и Ленина славлю стихом:
Творили они, против зла ополчась,
То братство, которое вижу сейчас!

Себе говорю я: — Счастливец, смотри,
Вот братство под знаменем цвета зари!
То знамя со мной поднимает мой брат,
И песни мои, словно знамя, горят!

1936

МЫ

Мы — горожане или аульчане —
Работаем в едином, дружном стане.
И русские, и горцы — мы свои,
Мы из одной, из трудовой семьи.

Мы твердо знаем цену дружбе, воле,
Как знаем цену хлеба, цену соли.
Лишь тот нам враг, кто ненавидит свет —
Таков священный Ленина завет.

Защищены могучим войском нашим,
Мы в будни трудимся, мы в праздник пляшем.
Веселье песен, светлый жар труда
Врагу мы не уступим никогда.

Сильны мы дружбой крепкою своею.
Никто, никто не сядет нам на шею!
Свободы вкус узнали мы, друзья,
Поэтому нас победить нельзя!

1938

ПЛЯШУЩИМ ДЕВУШКАМ И ЮНОШАМ

Девушки, юноши кружатся в пляске,
Кружатся радости пестрые краски,
Мчится вода родниковая в блеске,
В каждой черкеске - орлиные всплески.

То ли костер заплясал, вырастая,
То ли шумит журавлиная стая,
Старые очи мои разгорелись, -
Снова мне солнца подарена прелесть.

Молодость, молодость, мира основа,
Мне на мгновенье подарена снова.
Юные, плавно вы кружитесь в пляске,
Вы мне вернули мой пламень кавказский!

1938

* * *

Послушайте, люди, что скажет Кязим,
Я много хорошего знал и дурного.
Пришла ко мне старость, как тысяча зим...
Пусть с вами живет мое доброе слово!

1939

* * *

Нагрянет смерть,— мой пес мне лаем не поможет.
Нагрянет смерть,— мой сын ее прогнать
не сможет.
Нагрянет смерть,— и я засну последним сном,
Но будет жить мой стих на поприще земном.

Нагрянет смерть,— у нас отнимет в миг единый
Знакомой речки шум и синие вершины,
Но дом, что ты воздвиг, но твой заветный стих
Останутся с людьми, чтоб жить среди живых.

1940

МОЯ КОРОВА

С лысинкой на лбу моя корова,
Ты отменным нас поишь питьем.
Дружно восклицая: — Будь здорова! —
Твой айран мы с наслаждением пьем.

Молоко даришь ты нашим детям,
Чтоб росли скорей и веселей.
С молоком густым, прохладным встретим
В жаркий день приехавших гостей.

Если будут бить тебя ребята,
Оскорбляя доброту твою,—
Их настигнет быстрая расплата:
Посохом своим я их побью.

Крепкая от корма лугового,
Нану украшаешь ты судьбу,
С лысинкой на лбу моя корова,
Ласковая, с лысинкой на лбу.

1940

МЫ ПОБЕДИМ!

Война трубит на все четыре стороны
И наш порог переступает вновь.
Опять, опять над нами реют вороны,
Предчувствуя, что будет литься кровь.

Фашисты скачут на конях свирепости,
Живое задушить хотят враги,
Они хотят разрушить наши крепости
И погасить в жилищах очаги.

Воюя, трудно жить, — и тем не менее
Должны мы жить и воевать должны.
Ужасна весть, что сын погиб в сражении,
Но ради жизни пал он в дни войны.

Я вижу города в дыму и в пламени,
Я вижу с гор: на снег упал боец.
Мне кажется: та пуля обожгла меня,
Здесь, в сакле, сердце мне пробил свинец.

Как жизнь детишек без отцов упрочится?
Как будут жены без мужей стареть?
Прижать к груди мне всех сироток хочется,
Как будто всех дано мне отогреть!

Насытимся мы снова хлебом смелости,
Мы победим во имя светлых прав.
Мы сохраним свою державу в целости,
Как знамя, правду Ленина подняв!

1941

ПОЭМЫ

The image features a decorative title 'ПОЭМЫ' (Poems) in a stylized, calligraphic Cyrillic font. The text is set within a rectangular frame with horizontal hatching. A quill pen is positioned above the right side of the frame, and a laurel wreath is placed below it. The entire design is rendered in a dark, textured style, possibly woodcut or engraving.

РАНЕНый ТУР

1

Мы знаем свирепые бури,
И зной мы терпели не раз.
Сегодня о раненом туре
Хочу я поведать рассказ.

Я все изложу вам события,
Тоскуя опять и опять:
Об этом не в силах забыть я,
Об этом не вправе молчать.

Жаль, нет у балкарцев печати,
А то б напечатал рассказ,
Но мир — на заре, на закате —
Скрыт для невидящих глаз.

В горах у нас грамотных мало,
Живет в темноте наш народ,
И многих неволя сломала,
И голод вздохнуть не дает.

Завьюжены сакли сурово,
И вихри не молкнут в ночах.
Сейчас я начну свое слово,—
Лишь ветки подброшу в очаг.

У нас отнимают и поле,
И хлеба голодный запас,
Но сказки, но песни о воле
Никто не отнимет у нас!

Опасны они супостатам,
В них сила народа жива.
Нет, мы не уступим проклятым
Рожденные в сердце слова!

Я так же, как тур, окровавлен,
Но раненый тур убежал,
А я не бегу, хоть направлен
Всегда в мое сердце кинжал.

Откладывать повесть не будем:
В золу превратишься, гляди,
Когда ты не выскажешь людям
Всё то, что пылает в груди.

О раненый тур, мы похожи,
Я ранен, как ты, я горю,
Я тоже страдаю, и тоже
Я кровью своей говорю!

Красивый, большой, круторогий,
Стремительно тур поскакал
По узкой и трудной дороге
К воде, что текла между скал.

Заснуло усталое стадо,
А тур, опершись на утес,
От волчьего хрипа и взгляда
Всю ночь охранял диких коз.

Охотников знал он обычай,
Он помнил, как щелкал курок,
Но пули не стал он добычей
И стадо пока уберег...

Заря за горой разгоралась,
А стадо, напившись воды,
По скалам неспешно взбиралось,
Не зная, не чуя беды.

Таилась напротив засада.
Вот выстрел гремит из-за скал.
И вверх устремляется стадо.
А тур? Он в крови, он упал!

Не в силах подняться по кручам,
В лощину он бросился вниз
И, жгучею раною мучим,
В ущелье над бездной повис.

Охотник, в звезду свою веря,
В горах обошел все пути,
Но пулей пробитого зверя
Нигде не сумел он найти.

А тур, изнывая от боли,
В ущелье, где травка добра,
Мечтая о жизни и воле,
Всю ночь пролежал до утра.

Тяжелая рана горела,
И странно ломило в костях,
А кровь его жарко чернела
На горных цветах и листьях.

Казалось, теперь он спокоен
И хватит терпенья и сил.
Он тяжкую рану, как воин,
С достоинством переносил.

Подняться несчастному надо,
Но падает, падает кровь.
Совсем обессилел, но стадо
Увидеть надеется вновь.

Пылает кровавая рана,
Дышать на земле тяжело,
И вверх он глядит непрестанно,
Куда его стадо ушло.

Но где тот охотник, который
 Плутал по тропинкам глухим?
 Сегодня отправился в горы
 Сосед и земляк наш Хашим.

В нужде прозябая великой,
 Охотой кормил он семью,
 Скитался в горах горемыкой
 В бесплодном, лесистом краю.

Возникла скала снеговая.
 Увидел он перед собой
 Усталого тура: хромая,
 Бежал он отвесной тропой.

О ране своей забывая,
 Взбирался он вверх по скале,—
 Влекла его воля живая,
 Что людям нужна и земле!

За раненым гнался убийца,
 Чтоб тут же расправиться с ним,
 Чтоб крови горячей напиться,—
 И волка заметил Хашим.

Охотник ружье свое векинул,
 И выстрел раздался, и волк
 Траву, задыхаясь, раздвинул,
 Упал и навеки умолк.

Почудилось туру, что снова
Грозит ему пуля врага.
Предчувствия полон дурного,
Взглянул он, откинув рога.

Но были напрасны тревоги,
Охотник исполнил свой долг:
О тур, ты спасен, круторогий,
Дождался погибели волк!

Охотник стремился ко благу:
У бедных свобода в чести.
Бедняк, пожалел он беднягу
И туру позволил уйти.

4

За раненым из-за обрыва
Следил неотступно Хашим,
А тур побежал торопливо
И скрылся за склоном крутым.

В горах заживет его рана,
И вновь, озирая луга,
Для стада он станет охраной,
Степенно откинет рога.

Ты пули не бойся каленой,
О тур круторогий, живи,
В свободу и горы влюбленный,
Во имя бессмертной любви!

Животному волю даруя,
Подумал охотник Хашим:
«Сегодня стрелять не смогу я»,—
И вниз возвратился пустым.

Детишки встречают на тропке:
«Отец, турье мясо принес?»
Но только мучнистой похлебки
Поесть им в тот вечер пришлось.

О раненом туре хозяйке
Охотник поведал рассказ,
Поведал жене без утайки
О том, что несчастного спас.

«Спасибо за доброе дело,—
Сказала Хашиму жена,—
Я б тоже его пожалела.
Как славно, что жизнь спасена!

А мы кое-как перебьемся,
За нас не тревожься, Хашим,
Без мяса теперь обойдемся,
Похлебки своей поедим».

5

Вершины закат окровавил,
Вступает в селенье закат.
К охотнику в саклю отправил
Работника князь Джамбулат.

Свирепого князя работник
И вечер — явились вдвоем:
«Мой князь тебя кличет, охотник,
Давай-ка со мною пойдём!»

Тот голос, угрюмый и резкий,
Страшнее лесных голосов.
Хашим в своей рваной черкеске
Выходит на княжеский зов.

«Мир дому сему и отрада!» —
Воскликнул, ступив на порог,
И понял он с первого взгляда:
Владелец разгневан и строг.

«Ты был на охоте? Что ныне
Принес мне?» — спросил его князь.
О том, что случилось в лощине,
Хашим рассказал, не таясь.

Князь вспыхнул: «Как баба, как дура,
Ты действовал, жалкий глупец!
Мужчина жалеет ли тура?
Растаял, как тает свинец!»

Забыл ли ты с этого часа,
Что туры нужны мне рога,
Что турье мне надобно мясо,
Что ты мой покорный слуга?»

«Да, я твой слуга безответный,
Никак не уйду от пужды.
Сам знаешь, что я многодетный,
И дети легли без еды».

«К чему мне, дурак, твои дети?
И знать мы о них не хотим!»
«Иль жить мы не вправе на свете?» —
Чуть слышно промолвил Хашим.

Насильник с душонкою мелкой,
Князь крикнул: «Молчи, грязный пес!»
И палкой с железной наделкой
Хашиму удар он нанес.

Хашим пошатнулся у двери,
Упал и поднялся с трудом.
На князя, как ловчий на зверя,
Он бросился сильным рывком.

Его задушил бы, пылая
Всей кровью, — но множество слуг,
Как волчья жестокая стая,
На ловчего кинулись вдруг.

Бесправного горца избили
И вытолкали за порог.
Так люди бы не поступили
С собакой... Запомним урок!

Да, крепко Хашиму досталось,—
И сердце, и тело болит.
Рука от побоев сломалась,
А сердце — от горьких обид.

6

Хашим, словно тур круторогий,
Ты встретился с волком сейчас,
Но ты не увидел подмоги,
Никто горемыку не спас.

Никто не решил, что обязан,
Как ты, честно выполнить долг,
И пульей ничьей не наказан,
Не пал окровавленный волк.

От князя пришел ты калекой
В свой бедный, безрадостный дом.
Та рана, что ноет от века,
Заныла и в сердце твоём.

Бесправие невыносимо,
Противен мучительный гнет,
И сердце болит у Кязима,
И гнев ему спать не дает!

Я вижу твой жребий жестокий,
Хашим, твоя рана горит.
Когда я пишу эти строки,
От боли я плачу навзрыд.

С тобой угнетаемый вместе,
С тобою страдаю вдвоем,
Но верю я: грянет возмездье
В селенье моем и твоём!

Как туры, мы ранены оба.
Скажи мне, о бедный мой брат,
Исчезнут ли горе и злоба,
Тяжелые, как снегопад!

Молю я: пусть бог уничтожит
Того, кто ударил тебя,
Пусть бог его беды умножит,
Насилье и гнет истребя.

Пусть бог его казнию накажет,
Как ныне судьбой ты казним,
Проклятье навечное скажет,
Как я, твой земляк, твой Кязим!

Дуреют князья от гордыни
И на небо смотрят, мочась,
И легче живется скотине,
Чем бедному люду сейчас.

Кто нищему горскому краю
Даст волю? Как выход найти?
Я горькие песни слагаю,
Иного не зная пути.

Не хлеб ты вкушаешь, а горе,
 Мой раненый тур, мой народ,
 Но где же средь наших нагорий
 Охотник, что жертву спасет?

Ты бедствий изведаль так много,
 Как много в ущельях камней.
 Скажи мне, чья горше дорога,
 Скажи мне, чья доля трудней?

Всё сыплется беды... Не так ли,
 За веком мучительный век,
 По трубам, полуночью, в сакли
 К нам сыплется с копотью снег?

Пройдя над немой крутизною,
 Заходят в аул облака,—
 Не так ли холодной весною
 Заходит к нам в сакли тоска?

Что делать мне, если поныне
 Душа у народа болит?
 Хоть в реку бросайся в теснине,
 Когда она в ливень бурлит!

Что делать? Как тур, из двустволки
 Ты ранец, мой бедный народ,
 За раненым голятся волки,
 Но кто к нам на помощь придет?

Кто в нищих горах уничтожит
Свирепую стаю волков?
Кто нищим аулам поможет,
Кто горцев спасет от оков?

Ты ранен,— но где же лекарство?
Для хищников есть ли свинец?
Кто вырвет язык у коварства,
Кто ложь разгромит наконец?

Кязим, как и ты, окровавлен,
Мой раненый горский народ,
И горем, как ядом, отравлен,
Он горькие песни поет!

8

О раненом туре пространный
Рассказ я поведал сейчас,
Но ваши кровавые раны
Излечит ли этот рассказ?

Но если, назло лихолетьям,
Из уст перейдет он в уста,
И станет известен он детям,
В чьих саклях живет нищета,—

Быть может, он горцу поможет
Найти в себе силу борца,
И камнем воткнется, быть может,
В пустые и злые сердца.

Насильники тронуть робеют
Поэта, опасного им,
Избить меня палкой не смеют,
Как били тебя, мой Хашим.

Хотелось бы им невозбранно
В темнице втоптать меня в прах,
Зарезать меня, как барана,—
Но знают Кязима в горах.

Не то я лишился бы сакли,
И гибель обрел бы давно,
И воды б в ущелье иссякли,
Которые пить мне дано.

«Посла не казнят»,— есть присловье.
Народ меня сделал послом,
Чтоб пищее наше сословье
Своим защищал я стихом.

Не смеют князя меня трогать:
Из Мекки пришел я с чалмой!
Но вражеский чувствую коготь,
Мне смертью грозят и тюрьмой.

Пес лает, а ветер уносит.
Я сроеся с вершинами скал.
Народ меня в горе не бросит:
Я болью пародною стал.

Насытить бы словом, как хлебом,
Народ моей бедной земли!
О воле молюсь перед небом,
Чтоб жить на земле мы могли!

1907

БУЗЖИГИТ

1

Всю землю озаряя,
Сверкая вновь и вновь,
Подобно птице рая,
Слетает к нам любовь.

Но этой птицы крылья,
Лишившись вышины,
Не раз в огне насилья
Бывали сожжены.

Печалились нередко
Поэты с давних лет:
«Любовь цветет, как ветка,
Но вянет юный цвет».

Меджнун блуждал в пустыне,
Любовью одержим,—
Печаль его поныне
Близка сердцам людским.

Она живет в народе,
Как вихря буйный взлет,
Как ветер в дымоходе,
И плачет, и поет.

Кязим в тиши нагорий
Скорбел в глухой дали,
Когда прочел о горе
Меджнуна и Лейли.

Их жаркое влечение
Прославлено людьми.
В них — Навои свеченье,
В них — пламя Низами.

В них — Физули крылатый,
Что отнял мой покой:
Как над могилой брата,
Я плакал над строкой.

Поэты! Всем влюбленным,
Постигнув боль земли,
Вы словом раскаленным
Отраду принесли.

А на земле поныне
Царят и страх, и гнет,
И до сих пор в кручине
Меджнуна в степях бредет.

И гибнет птица рая,
Опалена огнем,
И вянет, умирая,
Любовь в саду земном.

Фархад крушит громаду
Утесов и теснин,
И плакать по Фархаду
Не устает Ширин...

Вовеки не забудем
Вступивших с гнетом в спор:
Они, как звезды, людям
Сияют до сих пор.

Не стало б света в мире
Без их любви живой:
На всей подлунной шири —
Один лишь волчий вой!

Чтоб исцелить больного, —
А болен весь Восток, —
О Бузжигите слово
Начну я в нужный срок.

Того, кто сломлен гнетом,
Кто умер молодым,
Мы окружим почетом,
Мы повестью почтим.

Для вас душа открыта,
Вы мне родней всего.
Оплачем Бузжигита,
Как брата своего.

2

Жил некий старый зодчий,
И говорит молва:
Трудилась дни и ночи
Седая голова.

Он жил, свои созданья —
Свои дома — любя,
Как будто эти зданья
Он строил для себя.

Единственного сына
Растил он, знаменит.
Работою старинной
Увлекся Бузжигит:

Науке зодчих с детства
Отец учил его.
Твердил: «Тебе в наследство
Оставляю мастерство.

Пойми: оно — безмерно,
Мудрей и старше нас.
Без мастерства б, наверно,
Весь род людской угас.

Рать мастеров несметна,
В них — свет и мощь добра.
Да, мастерство бессмертно,
Хоть смертны мастера.

Мы для труда родились,
Мы, люди мастерства,—
Чтоб камни превратились
В поющие слова!

Из камня песнь слагаем,
Из древа создаем.
Построив, умираем,
Но остается дом.

И должен ты усвоить,
Что я любил живых,
Что, кроме блага — строить,
Не знал я благ других,

Что в мире, где так много
Обманов и невзгод,
Была моя дорога
Прямой из года в год,

Что там, где ропот вдовий
И плач сирот слышны,
Ничьей не пролил крови,
Не жаждал я войны.

К моим рукам пристала
Известка, а не кровь,
Я строил,— мне блистала,
Меня вела любовь.

Не притеснял я нищих,
Не обижал детей:
Хотел я, чтоб в жилищах
Дышалось им вольней.

Я слит с землей родною,
Я с каждым камнем слит.
Пусть камень надо мною
Надгробием стоит.

Земля мой прах остудит,
Но средь людей, в тепле,
Мой труд, мой дар пребудет
На милой мне земле.

Я шел дорогой длинной,
Для светлой цели жил,
И с деревом, и с глиной,
И с камнем я дружил.

Спокойно мир покину,
Когда к таким трудам
Единственному сыну
Любовь я передам.

Прославлен тот, кто строит,
Но помни, дорогой,
Что славы блеск не стоит
Одной слезы людской.

Ребенка защищая,
Мы счастье утвердим.
Что слава мировая
Пред этим счастьем? Дым!

Увы, богатство тленно,
И слава, и почет.
Лишь доброта бесценна,
Лишь правда не умрет.

В жестоком мире этом
Для правды, сын, живи.
Твой труд да станет светом,
Источником любви.

Пройди, с неправдой в споре,
Свой честный, долгий путь,
И в радости, и в горе
Ты человеком будь!»

3

По делу в край далекий
Поехал Бузжигит.
На улице широкой
Сын зодчего стоит.

Красавица, сверкая,
Проходит перед ним,—
Красавица такая,
Что свет мы с ней сравним!

Она земли касалась,
Как нежная весна,
И юношу, казалось,
Заметила она.

И девушка, и свита
Вошли в богатый дом,
Оставив Бузжигита,
Объятого огнем.

Ее глаза блеснули,
Как две звезды в листве.
Была в ней стать косули,
Бегущей по траве.

Земля пред ней робела,
Смущаясь все сильнее,
И тополя несмело
Склонялись перед ней.

Она вгоняла в краску
Людей, как жар костра,
Всё превращала в сказку,
Как юности пора.

Казалось, свет нетленный
Она дарит земле,
А без нее вселенной
Пришлось бы жить во мгле,

На светлые поляны
Сползли бы ледники,
Подули б ураганы,
Засохли б родники,

Не стряпалась бы пища,
Погасли б очаги,
И мирные жилища
Разрушили б враги!

Так думал в то мгновенье,
Пылая, Бузжигит.
Душа его в смятенье
Ликует и дрожит.

На дом глядит в тревоге.
Уйти б, уйти б назад!
Но подчиниться ноги
Безумцу не хотят.

Как встречи с ней добиться?
Кто, кто она? Чья дочь?
Беда — в нее влюбиться,
Но как беде помочь?

Вкруг дома он кружился,
Вдыхая и горя,
Покоя он лишился,
С собою говоря:

«Я обезумел разом.
Как вырвусь из огня?
Любовь, верни мне разум,
Спаси, спаси меня!

Я не увижу неба
Отныне без нее.
Забуду запах хлеба
Отныне без нее.

Что мне трава под зорькой
Отныне без нее?
Вода мне станет горькой
Отныне без нее!»

Так до глубокой ночи
Бродил он взад-вперед.
Поклялся юный зодчий,
Что девушку найдет!

4

Ушел он, смуты полон.
Кругом — ночная мгла.
К старухе в дом вошел он,
Что рядом с ним жила.

Соседке он открылся,
Как матери родной,
Что в девушку влюбился,
Что потерял покой.

С т а р у х а

Я поняла, не глянув:
Дочь хана — страсть твоя.
К ней сватаются ханов,
Султанов сыновья.

Ее назвать мы вправе
Отрадой наших дней.
Нет девушки в державе
Красивей и умней.

Б у з ж и г и т

То, что она прекрасна,
Я сразу понял сам:
Поверил не напрасно
Я собственным глазам!

Мне на земле веселья
Не будет без нее,
Вся жизнь — как подземелье
Мне будет без нее!

С т а р у х а

И ты, сынок, приходишь,
Чтоб радовать людей,
Жилье, где день проводишь,
Становится светлей.

Она тебе желанна,
Другу другу вы под стать,
Но разве дочке хана
Ты можешь мужем стать?

Б у з ж и г и т

Мне чаянья такие
Открылись в краткий миг,
Что я забыл впервые
Про ханов и владык.

Как будто в мрак темницы
Низринут с давних лет,
Я в первый раз денницы
Увидел добрый свет.

Куда я взор ни кину,—
Я зорче стал теперь.
О мать моя, как сыну
Мне помогай и верь!

Старуха

Но ханы к просьбам глухи,
И знаю наперед,
Что речь простой старухи
До хана не дойдет.

Бужигит

Просить тебя не стану
С ним попусту болтать:
Известно мне, что хану
Сын зодчего — не зять.

Но к дочери владыки,
Прошу тебя, приди,
Поведай про великий
Огонь в моей груди.

Старуха

Пойду! Пусть разразится
Беда у ханских врат,
Пусть мне грозит темница,
И пусть меня казнят,—

Тебе хочу я с честью
Помочь как жениху.
Пойду — и чудной вестью
Утешу Зулейху.

Старуха с тонкой речью
Проикла во дворец,
Устроив тайно встречу
Двух любящих сердец.

Душа душе открыта,
И льются, как стихи,
Признанья Бужжигита
И юной Зулейхи.

Свиданья — всё любовней,
Но ясен ей конец:
Не даст на брак с перовней
Согласья хан-отец.

Они решили оба
Бежать из той страны,
Везде, везде до гроба
Любви своей верны.

Но полон мир коварства,
Доносят хану: прочь
С любовником из царства
Бежать решила дочь.

Хан вызвал дочь и гневно
Грозил ей допоздна,
Но понял, что царевна
Решимости полна.

Да, понял хан жестокий:
Сильнее эта страсть,
Чем ласки, и попреки,
И мстительная власть.

Х а н

Смирись! Конец обидам!
Не мучь обоих нас!
Я за Зейтуна выдам
Тебя в счастливый час.

Блестящие наряды,
Нет счета жемчугам!
Служанки будут рады
Упасть к твоим ногам!

Богата несказанно,
Поймешь, что мир хорош,
С Зейтуном, сыном хана,
Ты счастье обретешь.

И что ни день — все новый
Верблюдов караван
С алмазами, с обновой,
С парчой из дальних стран.

Д о ч ь.

Я клятвы не нарушу.
Не мучь меня, отец.

Оставь, оставь мне душу:
Мне дал ее творец!

К чему мне роскошь юга,
Парча и бирюза?
К чему вдали от друга
Мне зрячие глаза?

С алмазами верблюды
Пусть радуют других,—
Пусть их прельщают груди
Товаров дорогих.

Мне Бужигит дороже
Всех царских сыновей,
Чем всей земли вельможи,
Мне взор его милей!

Х а н

Дитя! В державе целой
Ты мне — как солнце дня.
Я очень стар. Не делай
Посмешищем меня!

Д о ч ь

Над сердцем я не властна,
Прости меня, прости!
Любовь моя злосчастлива,
Нельзя меня спасти.

Х а н

Последнее ли слово
Сказала, не шутя?
Что сделал я плохого
Тебе, мое дитя?

Д о ч ь

Ты дал мне жизнь, веселье,
Я без забот росла.
Ни разу мне доселе
Не причинил ты зла.

Прости, даруй мне милость!
Люблю тебя, отец,
Но твердо я решилась
Покинуть твой дворец.

6

Хан понял: страсть такая
Одержит верх в борьбе.
Остался он, вздыхая,
А дочь пошла к себе.

Подумал хан-убийца:
Опасен Бузжигит.
Здесь кровь должна пролиться,—
Да будет он убит.

Содеяли насилье
Подвластные ему:
Строителя схватили
И бросили в тюрьму.

Его во мраке ночи
Убили палачи...
Не ведал старый зодчий,
Что сын убит в ночи,

Что сердце Бузжигита —
Падучая звезда,
И вот в земле сокрыто
То сердце навсегда!

Погибли эти руки,
И мастерство, и дар,
И зрелый свет науки,
И сердца первый жар.

Как проклинали б камни,
Имея голоса,
Как плакали бы камни,
Будь у камней глаза!

Земля, твоих рыданий
Что может быть страшней?
Он столько светлых зданий
Возвел бы из камней!

Когда бы солнце знало,
Насколько гнет жесток,
Надел бы покрывало
Печальное Восток.

Холодным льдом покрыты,
Замолкли б родники,
Известьем злым убиты,
Увяли б цветники,

Узнав об этом горе,
Засохли б дерева
И почернела б вскоре
Зеленая трава.

Увы, закрылись веки,
Померкли звезды глаз,
Для Зулейхи навеки
Их гордый свет погас.

Возлюбленный не дышит,
Она еще жива,
Но больше не услышит
Зовущие слова.

Пусть близко и далече
Восславит мой рассказ
Его дела, и речи,
И звезды чистых глаз.

Балкарский стихотворец,
Кязим стихи творит,—
Да знает каждый горец,
Как умер Бузжигит.

Кто полюбил свободу,
Кто светел был душой,
Тот каждому народу —
Родной, а не чужой!

Стиху всем сердцем верьте:
Людей, чья жизнь прошла,
Стих сохранит от смерти
Заветы и дела.

7

Решив, что, Бузжигита
Убив, он дочку спас,
Что прошлое забыто,—
Хан повелел тотчас:

«Устроить пир должны мы,
В веселье — нет греха!»
...О том, что мертв любимый,
Не знает Зулейха.

На пир она явилась,
Печальна и смутна.
Что солнце дня затмилось,
Не ведает она.

Спросила дочка хана:
«К добру иль не к добру
Вы собрались неожиданно
Сегодня на пиру?»

З у л е й х а

Что, если устремится
На ваше торжество
И звать начнет орлица
Орленка своего,—

Скажите: к ней, несчастной,
Орленок прилетит?
Он с вами ли,— прекрасный
Орленок Бужжигит?

О д и н и з т о л п ы

Несчастливая орлица,
Рыдай, рыдай навзрыд:
Средь нас не веселится
Орленок Бужжигит!

З у л е й х а

Овце нужна защита:
Придет к вам поутру,—
Ягненка Бужжигита
Найдет ли на пиру?

Один из толпы

О, не зови, родная!
К тебе не прибежит,
Овечка дорогая,
Ягненок Бузжигит!

Зулейха

Ответьте, мусульмане:
Но где же верный друг?
Глаза мои в тумане,
Смертелен мой недуг!

Один из толпы

Был схвачен твой любимый
И умерщвлен в тюрьме.
Погас, неукротимый,
Как молния во тьме.

...Не пряча в сердце рану,—
Стал черен день, как ночь,—
К отцу, к убийце-хану,
В слезах явилась дочь.

Хан

Все на пиру расселись,
А ты? Ты слезы льешь!
Свою девичью прелесть
Слезами ты убьешь!

Д о ч ь

Тебе не дочь отныне,
Я от тебя уйду.
Смотри, земля в унынье,
Весь мир познал беду!

Палач, убийца злобный,
Ты враг мне с этих пор.
Отец, тебе подобный,
Для девушки — позор.

Х а н

Дитя, не плачь от боли!
Кто смерти избежит?
Ведь сам, по божьей воле
Скончался Бузжигит.

Д о ч ь

Нет, дочерью, презренный,
Меня ты не зови!
Твой двор, твой сад и стены —
В крови, в крови, в крови!

Твой дом — приют могильный,
Где мертвые сердца.
Нет у меня, бессильной,
Ни дома, ни отца!

Х а н

Две тысячи отменных
Я дам тебе коней,
Сто тысяч драгоценных
Пришлю тебе камней.

Я с золотом верблюдов
Сгоню к тебе во двор,
И блеском изумрудов
Ты свой утетишь взор!

Д о ч ь

К чему, к чему мне камни
И золото казны?
Одежда не нужна мне
И кони не нужны!

Мой светлый мир убили,
Убили солнце дня:
Оно лежит в могиле,
К себе зовет меня!

Х а н

Даруй мне, дочь, прощенье!
Скончался Бужжигит,
А мертвых возвращенье
Живой не сотворит.

Живой скорбит о многом,
А мертвый — мертв навек.
Могу ли спорить с богом
Я, слабый человек?

Гробницу я построю,
И Бузжигита прах
В гробнице успокою
У времени в руках.

8

И вот, как знатный воин,
Сын зодчего лежит.
Навеки успокоен
В гробнице Бузжигит.

Но с Бузжигитом рядом
Отцом погребена
И дочери отрада,
Надежда и весна.

Не слышали в столице,
Что плачет Зулейха,
Что заперлась в гробнице
У гроба жениха.

Здесь, здесь — любимой место:
Любовь зовет сюда!
С возлюбленным невеста
Осталась навсегда.

Жестокость разлучила
Влюбленных молодых,
Но спрятала могила
Их, мертвых, от живых.

Никто с тех пор поныне
Не смог открыть врата,—
Прочней, чем все твердыни,
Гробница заперта...

Познав судьбы суровость,
Но движимы добром,
Мы тоже нашу повесть
На все замки запрем.

Влюбленные! Рыдая,
Склоняется рассказ:
Поэзия седая
Оплакивает вас.

Пускай узнают горцы,
Как, дни связав свои,
Погибли ратоборцы
Раздавленной любви.

Но, чтобы в человеке
Свет мысли не погас,
Огонь любви навеки
Горит для нас — и в нас.

О нем, живом, победном,
В любой своей строке
Кязим поет на бедном
Балкарском языке.

1910—1917

СОДЕРЖАНИЕ

Поэт и горы 5

Стихотворения

К тебе я хотел перебраться в челне...	20
Холмик мы не приравняем к скалам...	21
Чую твоего жилья тепло...	22
Жалоба	23
Сетования девушки	26
Храбрость острее любого кинжала...	27
Откровенное слово	28
Только вышел я из сакли на заре...	29
Я слагаю стихи и железо кую...	30
Хорошее слово	31
Моему псу	33
Завещание сыну	35
Воробей, который зимой сел на нашем дворе	36
Хвастливому княжичу	38
Входит в наши аулы туман из ущелий...	39
Я сравню тебя с моей стрелою...	40
Порою на вершине снег блистает...	41
Если дождь прошел и даль светла...	42
Серый камень сорвался с утеса...	43
Избороздил я много бурных вод...	44
Горя много, счастья мало, путь тяжел...	45
Если б знал, где для родины счастье найти...	46
Багдад посетил я, увидел Стамбул...	47

Мир — тяжкая тропа, где скорбь и горе...	48
У турков, арабов проделав скитаний круги...	49
Строки письма, посланного домой из Аравии	50
Свое метнул я слово, как стрелу...	51
Мы овцы...	52
Чтоб родину избавить от невзгод...	53
Скорбит земля родная, плачут реки...	54
Мать охотника	55
Колыбельная песня	57
Труженику	59
Несчастный мой народ, я твой удел постиг...	61
Шумя, с отвесных гор сбегают вниз потоки...	62
Сегодня князь Сюйюнч Ахмата-бедняка...	63
Кто бы нам чувяки шил без платы...	64
Правда	65
Ослику с израненной спиной	67
Стихи, сказанные одинокой иве у горной реки	69
В аулы к нам беда легко находит путь...	71
Что мне делать?	72
Стал мрачен свод небес, над саклями нависший...	73
Кязим, к чему твой стон и вздох глубокий?..	74
Немало горьких слов ты людям даровал...	75
1914 год	76
Да будут прокляты насильники стократ!..	78
Кругом жестокий вихрь, тяжелый снегопад...	79
Идет в ауле дождь, блестя, шумя, струясь...	80
В трубу моей сакли падает черный снег...	81
Кинжальных ран и пулевых не счесть на нашем теле...	82
Моя старая сакля	83
Толкуют о царе, о войске говорят...	85
Песня о Солтан-Хамиде	86
Берите оружие!	89
Я понял: честен путь большевиков...	90
Сыну Мухаммаду	91
Советская власть — это ствол золотой...	93
Ленин	94
Будем учиться!	96

Разговор со старостью	98
Много видел Кязим	101
Пионерам	103
Мой старый кувшин	104
Братство	106
Мы	108
Пляшущим девушкам и юношам	109
Послушайте, люди, что скажет Кязим...	110
Нагрянет смерть,— мой пес мне лаем не поможет...	110
Моя корова	111
Мы победим!	112

Поэмы

Раненый тур	116
Бузжигит	131

Кязим Мечиев

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Редактор В. Кузьмин
 Художественный редактор И. Абрамов
 Технические редакторы: С. Кумукова, Т. Барги
 Корректор Е. Терушкина

Сдано в набор 20/IX 1962 г. Подписано к печати 26/X 1962 г.
 Бумага 70×108 ^{1/32}. Физ. печ. л. 5. Усл. печ. л. 7,0. Уч.- изд. л. 3,61.
 Тираж 3000 экз. Заказ № 5098.
 Цена в переплете № 7. 33 коп.

Кабардино-Балкарское книжное издательство
 Нальчик, Театральная, 6

Типография им. Революции 1905 года
 Министерства культуры КБАССР
 Нальчик, Театральная, 6